

DOI: 10.15643/libartrus-2023.6.4

Практики теневого обогащения в БАССР периода «хрущевской оттепели»

© Р. А. Хазиев

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: khazievra@mail.ru

В статье на основе анализа разнообразного массива материалов, отложившихся в Национальном архиве Республики Башкортостан, рассматриваются ключевые аспекты социально-экономической практики получения нелегальных доходов в одной из крупнейших в РСФСР национальных республик – БАССР в эпоху «хрущевской оттепели». Цель статьи состоит в том, чтобы конкретизировать причины формирования и распространения в БАССР теневой хозяйственной деятельности, ставшей в жизни советских людей времен «хрущевского реформизма» не эпизодической, а повседневной реальностью, в условиях официального функционирования централизованной плановой экономики. Основное внимание уделяется рассмотрению различного рода теневых практик, направленных на извлечение неучтенной прибыли, что приводило к постепенному укоренению в социалистическом государстве «буржуазно-капиталистического» мировоззрения, неформальных хозяйственных взаимоотношений, подрывавших изнутри советскую административно-командную экономику. Распространение теневого сектора, отличавшегося изощренностью и амбициозностью в проведении тайных операций, достигло в стране такого размаха, что в самый разгар «хрущевской оттепели» – весной 1961 г. – была введена высшая мера наказания в виде смертной казни (расстрела) за «хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах».

Ключевые слова: *Хрущевская оттепель, спекуляция, теневая экономика, дефицит, блат, черный рынок, плановая экономика.*

Реформы Н. С. Хрущева пришлось на период глобального противостояния двух политических блоков, в каждом из которых функционировали принципиально отличные друг от друга экономические системы. Триумфальный успех СССР в реализации космической программы доказательно продемонстрировал всему миру конкурентоспособность централизованного экономического планирования в выполнении проектов глобального масштаба, которые в конце 1950-х – начале 1960-х гг. не были способны осуществить «капиталистические страны» с рыночной экономикой.

С момента существования социалистического государства хозяйственная система советского типа фактически была ориентирована на реализацию грандиозных проектов: план ГОЭЛРО, сталинская модернизация страны, создание атомной бомбы, освоение космоса и т.д. Выполнение уникальных хозяйственно-экономических программ оказалось возможным потому, что в СССР партийно-государственная власть всецело «распоряжалась средствами и продуктами производства и обеспечивала идеологическое „прикрытие“ своего „права“» [1, с. 326].

После начала холодной войны советское государство продемонстрировало всему миру, что сполна способно как обеспечить, так и защитить достигнутый военно-политический и социально-хозяйственный суверенитет. Поэтому, эпоха Н. С. Хрущева и определяется исследователями как «звездный час нашего государства на мировой арене. Главная причина прогресса

заклучалась в том, что Советский Союз стал первым государством в мире, в полной мере соединившим преимущества государственного регулирования экономики с возможностями 2-го этапа научно-технической революции, где основную роль как непосредственная производительная сила играли достижения фундаментальных наук...» [2, с. 63].

Однако «первая в мире страна социализма» не обладала должными материальными ресурсами, чтобы в пику капиталистическому строю создать свой собственный коммунистический «потребительский рай», когда граждане постоянно бы не ощущали «отсутствие осязаемого роста благосостояния» [3, с. 140]. Эпоха рыночного социализма времен нэпа, с его товарным изобилием, проводимая в далеких 1920-х гг., просуществовала недолго. Новая экономическая политика была для большевиков вынужденной необходимостью. По существу, социализм «с человеческим лицом», допускавший легальную деятельность в стране частного капитала, спас партию от краха, когда после окончания Гражданской войны по всей стране начались массовые антикоммунистические протестные выступления крестьян, рабочих, которых поддержали восставшие моряки Кронштадта.

Нововведения Н. С. Хрущева не посягали на командное администрирование народного хозяйства страны. Тем не менее, хозяйственно-управленческие новшества модернизировали экономическое мышление населения. Более того, преобразования эпохи «оттепели» стали исподволь размывать в общественном сознании существовавшее многие сталинские десятилетия доминировавшее восприятие плановой экономики как некоей незыблемой модели, гарантировано не допускающей использование государственных ресурсов ради личной выгоды.

Происходившие в эпоху «хрущевской оттепели» сложные социальные процессы положили начало формированию «новых нравственно-управленческих эталонов», «чувства собственника, хозяина», «чувства руководителя» (имидж, статус, ролевые позиции), установления идей индивидуализма и потребительства, реформатирования понятия «хозяйственность», а также «трансформаций в поле эмоционально-психологического самочувствия населения» [4, с. 167]. Следовательно, отказ от сталинизма и разрушение системы ГУЛАГа, рождая определенное чувство свободы и духовно-эмоционального раскрепощения, существенно либерализовали воззрение части советского социума, который, оставаясь политически преданным социалистическому строю, начал тайно обогащаться.

Органы милиции БАССР активно взялись за разработку обнаруженного в регионе «крупного жулья», когда к середине 1950-х гг. резко увеличилось количество раскрытых хозяйственных преступлений, которые были доведены до суда [5, л. 80]. Опытные оперативники центрального аппарата Министерства внутренних дел республики были в шоке от «наглого» поведения выявленных «махинаторов всех мастей», оперировавших огромными денежными средствами, получаемыми незаконным путем [6, л. 16].

В создавшейся ситуации высшие партийные функционеры БАССР, обладая данными о размерах теневой деятельности местных «барыг», прежде всего любыми способами старались предотвратить возможную негативную реакцию со стороны Старой площади (комплекс зданий в Москве, в которых располагался аппарат ЦК КПСС). Закаленные в подковерных баталиях региональные партноменклатурщики вполне допускали «утечку» на самый «верх» в полном объеме неблагоприятной информации по линии административных ведомств союзного подчинения, располагавшихся в БАССР. Тем более, что в Москву с середины 1950-х гг. поступали жалобы граждан о том, что «в ...столице Башкирии городе Уфе нет вот уже несколько лет в магазинах сливочного масла, месяцами не бывает сахара, круп, мяса, нет рыбы, колбасных изделий.

Люди целыми днями рыщут в буквальном смысле слова по магазинам в надежде купить что-либо» [7, с. 51]. В создавшейся ситуации Башобком КПСС оперативно задействовал проверенную бюрократическую схему, которая в итоге сработала.

Прежде всего, партаппаратчики кулуарно подвергли себя поверхностному самобичеванию относительно «не до конца принятых мер», что отчасти и явилось причиной появления «хапуг» в регионе. С середины 1950-х гг. дозированная самокритика являлась почти ритуальной среди партноменклатуры «хрущевского набора». Также находились «стрелочники», на которых партийным руководством республики сваливалась основная вина. Преимущественно роль громоотвода отводилась работникам отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), которых в каких только проступках не обвиняли, включая распитие спиртных напитков на рабочем месте [8, л. 113, 118, 127]. Одновременно срочно разрабатывался, а затем почти молниеносно принимался на бюро Обкома КПСС многостраничный, написанный формальным языком межведомственный план (прокуратура, суд, милиция) по реализации комплекса мер, направленного на искоренение и недопущение существования в БАССР теневых элементов, наживавшихся за счет трудящихся [9, л. 107].

Несмотря на активизацию в БАССР деятельности ОБХСС, жажда наживы пересиливала страх возможного наказания. Начавшийся в эпоху Н. С. Хрущева процесс забвения сталинского стоицизма предопределил появление в социалистическом обществе нового социального слоя, стремившегося «жить дорого-богато» и в свое потребительское удовольствие. Преимущественно, гедонизм по-советски ярко проявился среди «работников прилавка» государственной и кооперативной торговли. Структурные подразделения ОБХСС МВД БАССР объективно не имели возможности тотально и на постоянной основе проверять все поднадзорные им организации, чем и пользовались разного рода «дельцы».

Борьба с «расхитителями социалистической собственности» осложнялась еще и тем, что ощущалась острая нехватка опытных оперативных работников, разбиравшихся в тонкостях бухгалтерских проводок и учета материальных ценностей. Но даже выборочные проверки отдельных подразделений государственной и кооперативной торговли, осуществленные ОБХСС во второй половине 1955 г., выявили «безудержное обогащение торгашей». В системе Башпотребсоюза и еще пяти торговых организаций республики, в которых следователи изъяли финансовые документы, только за один 1955 г. была присвоена фантастическая для того периода времени сумма в 18 млн рублей [10, л. 81; 11, л. 2]. На эти средства можно было купить 1125 престижных машин «Победа», стоившей огромных для советских людей денег – 16 тысяч рублей [12, с. 61].

По большому счету, в партийных структурах, милиции, прокуратуре и других административных органах БАССР осознавали (не говоря об этом публично), что теневые операции разрастались как снежный ком и органы государственной власти не были способны «искоренить данное зло». В особенно сложных условиях приходилось работать правоохранителям в районах республики. Практическое отсутствие на местах подготовленных кадров, имевших опыт расследования экономических правонарушений, приводило к тому, что в глубинке милицеевское начальство всеми возможными способами открещивалось от открытия трудоемких для расследования дел, связанных с «денежными» проступками.

Прежде всего, было очень трудно и длительно по времени собирать доказательную базу и при этом уложиться в нормативы, определенные для расследования заведенного дела. Достаточно часто с невероятными усилиями добытые улики признавались в суде недостаточными, поэтому дела из уголовных переквалифицировались в административные или выносились

решение отправить дело на доследование. Это считалось «браком» в работе органов милиции, прокуратуры со всеми вытекающими отсюда «нагоняями» от вышестоящего начальства, которое могло «срезать» часть премии или даже ее лишить, затормозить присвоение очередного звания, продвижение по службе и т.д.

Нельзя сказать, что правоохранительные органы на местах не реагировали на сигналы об обнаруженных недостатках, выявленных, например, проверяющими ОРСов, потребкооперации в ходе ведомственных ревизий [13, л. 81]. Практика показывала, что как правило растраты, хотя и составляли внушительную для простого советского человека сумму от 5 до 20 тысяч рублей [14, л. 55–56], но в большинстве случаев достаточно быстро «погашались» лицами, которых уличили в финансовых проступках. Поэтому правоохранители и давали понять ведомствам, чтобы они собственными силами наводили порядок и побуждали «растратчиков», которым грозило тюремное заключение, оперативно возмещать нанесенный ущерб [15, л. 52–53], тем самым освобождая правоохранительные органы от трудоемких дел, которые, в силу специфики их расследования, могли «развалиться» в суде. Расследование теневых сделок, не «тянувших» на миллионы рублей, были явной обузой для прокуратуры и милиции, так как, отвлекая немногочисленные силы на подобного рода дела, сковывали оперативные действия правоохранительных органов в их борьбе против «акул» подпольного бизнеса.

В БАССР на периферии были случаи, когда милиция и прокуратура сталкивались с мощным противодействием со стороны районных комитетов КПСС, фактически не позволявших производить расследование хозяйственных преступлений. Местные партлидеры тормозили уголовное судопроизводство, начатое против коммунистов [16, л. 2–2 об.], не только опасаясь нежелательной огласки среди населения фактов вовлеченности членов партии в «криминал», но и соответственно недовольства этими прецедентами, порочащими КПСС, обкомовского начальства в Уфе. В партийной среде имела место и корпоративная солидарность, что партийцев – «органам не сдаем». Отчасти это было проявлением предвзятого отношения партноменклатуры к правоохранителям ввиду не изжитого синдрома страха из-за всевластия НКВД в годы сталинизма.

Судя по сохранившимся документам, члены партии, занимавшие в районах БАССР руководящие хозяйственные должности, могли рассчитывать на защиту райкомов КПСС, если присвоенная сумма не превышала 200 тыс. рублей. Какие бы усилия ни прикладывала прокуратура, стремясь наказать растратчиков, райкомы не давали санкции о возбуждении уголовного дела в отношении товарищей по партии, которые «трудились» на ответственных постах. Безусловно, в отношении «оступившихся» коммунистов принимались меры по партийной линии. Прежде всего, их строго «пропесочивали» на закрытых бюро райкомов КПСС за содеянное, но каждый раз входили в положение, учитывая заслуги в выполнении социалистического соревнования, высокую производительность труда в вверенном коллективе, личный вклад в развитие организации и т.д. Самое главное (иначе это было жизненной катастрофой) не принимались решения об исключении «провинившихся» из рядов КПСС, что являлось иммунитетом от уголовного наказания и суда. Могли снять с работы, объявить выговор, а потом предложить другой пост, возможно, с повышением, но в ином сельском районе [17, л. 53].

Дефицитная экономика являлась питательной средой, создававшей условия для подпольных сделок, проворачиваемых «ворами социалистического имущества». «Хрущевские теневики», пользуясь потребительским ажиотажем, когда в свободной продаже не было элементарного, сколачивали значительные состояния. К концу 1950-х гг., на волне десталинизации,

в торговле, а также на ряде мелких и средних производств местной промышленности, наряду с разрозненно действующими «махинаторами» функционировали уже и группировки, которые нередко возглавлял директор «шарашки». Начальники таких «контор» брали на управленческие должности лично им преданных сотрудников, задача которых сводилась к ведению двойной бухгалтерии и составлению таким образом отчетных документов для проверяющих организаций, по которым невозможно было бы узнать истинное положение дел и привлечь кого-либо к ответственности [18, л. 42, 46].

В тех случаях, когда «жуликов», как цеховиков из Мелеуза, удавалось поймать с поличным на присвоении миллионов рублей, то на «комбинаторов», конечно, заводили уголовные дела [19, л. 81]. Не смогли «запутать документацию» и на птицекомбинате в Чекмагуше, создав «левые остатки» на несколько сотен тысяч рублей [20, л. 139]. Случались ЧП и всесоюзного масштаба, которые не удавалось «замять» всеильному республиканскому обкому КПСС, стремившемуся в лучшем виде показывать свою работу в ЦК КПСС. На одном из флагманов социалистического машиностроения СССР, расположенном в БАССР, действовала группа специалистов, которые, «вступив в преступный сговор», положили в «свои карманы» более миллиона рублей. Случай был настолько вопиющий для крупного предприятия, что советская фемида приговорила «ворюг» к длительным срокам заключения еще явно и в качестве показательной меры, чтобы «другим было неповадно зариться» на государственную собственность [21, л. 7, 13].

Баснословные суммы денег нелегально «делались» в организациях республики, занимавшихся различными строительными работами. После того, как объект по акту был принят в эксплуатацию, было невероятно трудно проследить всю цепочку криминальных действий. Строители-«бизнесмены» значительно «раздували» стоимость выполненных проектно-сметных работ, многократно завышали цену строительных материалов, используемых для возведения различного рода построек [22, л. 76].

«Махинаторы» часть полученной тайной прибыли использовали и для решения своих вопросов в различных государственных структурах. С большой долей вероятности можно предположить, что именно «власть денег» позволяла расхитителям избегать уголовного преследования, когда в судах им выносили неоправданно мягкие приговоры. Хотя эти решения и вызвали несогласие надзорных органов, но используемая высокопрофессиональными адвокатами тактика ведения дел позволяла им добиваться таких результатов для своих «клиентов-торгашей», что вместо отбывания срока они оставались на свободе [23, л. 63].

Подводя итог, можно сказать, что в годы «хрущевского реформизма» безусловно «происходит поворот в социальной политике в сторону наиболее полного охвата населения и минимизации неравенства» [24, с. 42]. Тем не менее, реализация вне рыночного варианта создания социалистического «государства благосостояния» вызвала серьезные негативные последствия ввиду того, что плановая экономика не была способна окончательно разрешить потребительский кризис. Запущенные Н. С. Хрущевым социально-экономические процессы инновационного характера не позволили также добиться быстрых хозяйственно-системных изменений, дающих возможность сполна удовлетворить запросы советских домохозяйств в товарах повседневного спроса.

Таким образом, реформы эпохи Н. С. Хрущева были достаточно эффективны, но их потенциала хватило лишь на краткосрочную перспективу. В долгосрочном плане модернизируемая планово-социалистическая экономика, но структурно не основанная на новом институционализме, стала сосуществовать и конкурировать с растущим «подпольным капитализмом»,

проводниками которого были теневые элементы. Чрезвычайно иерархическая административно-командная экономика постепенно теряла в глазах послевоенного поколения свою привлекательность на фоне открывавшихся преимуществ подпольного обогащения. Этой возможностью и воспользовались «рвачи», тайно делая состояния в условиях потребительского голода, не изжитого в 1953–1964 гг.

Литература

1. Артемов Е. Т., Водичев Е. Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13. №4. Ч. 2. С. 324–347.
2. Невоструева А. Ф. Эволюция социальной сущности советской модели информационно-коммуникационного пространства в 1950-х–1980-х гг. // *Власть*. 2013. №7. С. 63–67.
3. Петрова Т. М. Критический анализ дискурса советских дневников и «писем во власть» как инструмент для изучения общественных настроений о Н. С. Хрущеве (1953–1964 годы) // *Исторический курьер*. 2022. №6(26). С. 135–145.
4. Столетова А. С. Производственная среда 1950–1980-х гг.: стереотипы сознания, стимулы и стратегии общественного поведения // *Хозяйство и социум России в XX веке* / Гл. ред. М. А. Безнин. Вологда: ВоГУ, 2023. С. 165–172.
5. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1958.
7. Зубкова Е. Ю. От «общества выживания» к «обществу потребления»: трансформация условий и практик потребления в СССР (1940–1960-е годы) // *Петербургский исторический журнал*. 2022. №4(36). С. 45–61.
8. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959.
9. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1958.
10. Подсчитано по: НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959.
11. Подсчитано по: НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
12. Сухова О. А. «Автомобиль – в личное пользование!»: приобретение автомобилей в СССР в условиях кризиса системы распределения в 1960-е – 1980-е гг. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2017. №3(43). С. 59–66.
13. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959.
14. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
15. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
16. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 203.
17. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
18. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
19. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1959.
20. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 203.
21. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1939.
22. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1067.
23. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2178.
24. Большакова О. В. Консюмеризм в советском обществе 1950–1980-х годов в зеркале историографии // *Социальные новации и социальные науки*. 2023. №2. С. 29–59.

Поступила в редакцию 10.11.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.6.4

Practices of shadow enrichment in the BASSR during the “Khrushchev Thaw”

© R. A. Khaziev

*The Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: khazievra@mail.ru

The article, based on an analysis of a diverse array of materials deposited in the National Archive of the Republic of Bashkortostan, examines the key aspects of the socio-economic practice of obtaining illegal income in one of the largest national republics in the RSFSR – the BASSR during the era of the “Khrushchev Thaw”. The purpose of the article is to specify the reasons for the formation and spread of shadow economic activity in the BASSR, which became not an episodic but an everyday reality in the life of Soviet people during the “Khrushchev reformism” under the conditions of the official functioning of a centrally planned economy. The main attention is paid to the consideration of various kinds of shadow practices aimed at extracting unaccounted profits, which led to the gradual rooting in the socialist state of a “bourgeois-capitalist” worldview informal economic relationships that undermined the Soviet administrative-command economy from within. The spread of the shadow sector, distinguished by its sophistication and ambition in conducting secret operations, reached such a scale in the country that at the very height of the “Khrushchev Thaw” – the spring of 1961 – the death penalty (execution) was introduced for the “theft of state or public property on an especially large scale.”

Keywords: Khrushchev Thaw, speculation, the Shadow Economy, deficit, cronyism, black market, planned economy.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A. Practices of shadow enrichment in the BASSR during the “Khrushchev Thaw” // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 6. Pp. 351–358.

References

1. Artemov E. T., Vodichev E. G. *Idei i idealy*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pt. 2. Pp. 324–347.
2. Nevostrueva A. F. *Vlast'*. 2013. No. 7. Pp. 63–67.
3. Petrova T. M. *Istoricheskii kur'er*. 2022. No. 6(26). Pp. 135–145.
4. Stoletova A. S. *Khozyaistvo i sotsium Rossii v XX veke*. Ed. M. A. Beznin. Vologda: VoGU, 2023. Pp. 165–172.
5. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
6. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1958.
7. Zubkova E. Yu. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2022. No. 4(36). Pp. 45–61.
8. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
9. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1958.
10. Podschitano po: NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
11. Podschitano po: NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
12. Sukhova O. A. *Azvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2017. No. 3(43). Pp. 59–66.
13. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
14. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
15. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.

16. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 203.
17. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
18. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
19. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
20. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 203.
21. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1939.
22. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1067.
23. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
24. Bol'shakova O. V. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki*. **2023**. No. 2. Pp. 29–59.

Received 10.11.2023.